

КОМУ И ПОЧЕМУ ЦЕНЕН Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ?

И. А. ЧАРОТА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется творчество Ф. М. Достоевского в связи с 200-летием со дня его рождения. Выясняется, кому и почему ценен великий писатель и мыслитель, как воспринимается его творчество в Сербии. Определяются факторы, способствующие и препятствующие постижению феномена Ф. М. Достоевского. Отмечается, что истинное почитание писателя может быть проявлено лишь тогда, когда каждый приступит к чтению хотя бы одного из его произведений, ощутит на себе «поле притяжения и отталкивания», которое далеко не всегда соотносится с проблемным полем научного достоевсковедения. Констатируется, что у молодого поколения изначально не вырабатывается желание приобщаться к литературной классике, если вся система базового образования как будто подчинена задаче отбить всякое стремление читать, а тем более чувствовать и размышлять. Интерес же к роману «Преступление и наказание» практически невозможно пробудить на основании стереотипных комментариев с пересказом сюжета, отдельные элементы которого попадают в тесты по лишенному притягательности учебному предмету. Ведь сюжет вполне передается полустраничной версией романа, которую заготавливают предприимчивые интерпретаторы именно для прохождения теста как оптимальной формы аттестации. При этом на удивление широко и в то же время бездумно используются суждения зарубежных писателей с соответствующим имиджем. Отмечается, что со временем становится все более очевидным то, что мало кто из писателей-современников может сравниться с Ф. М. Достоевским как по глубине и полноте представлений о реальной жизни русского человека, особенно по охвату ее сфер, так и по проницательности анализа всего происходившего и неизбежно из этого вытекавшего. На протяжении полутора веков он остается беспримерным носителем совести человечества, своеобразным сейсмографом грядущих потрясений. Автор обращает внимание на то, что в Сербии доминирует трепетное восприятие творчества Ф. М. Достоевского, которое сформировалось под влиянием представителей русской религиозной эмиграции, впечатляют активность и продуктивность сербского научного достоевсковедения. Подчеркивается, что писатель является носителем особого патриотизма, проявляющегося не в поверхностной патетичности, которая служит обычно либо самовосхвалению, либо самоутешению, а в аналитичной и конструктивной критичности, которая предполагает прежде всего самокритичность как непременную составляющую здравого национального самосознания.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; достоевсковедение; изучение творчества писателя в школе; имиджевые западные писатели; Сербия.

TO WHOM AND WHY F. M. DOSTOEVSKY IS PRECIOUS?

I. A. CHAROTA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the analysis of F. M. Dostoevsky's work regarding his 200th anniversary. The author aims to reveal to whom and why the great writer and thinker is precious, and how his work is perceived in Serbia. He tries to evaluate what contributes to and what hinders the comprehension of the F. M. Dostoevsky phenomenon. The author notes that veneration

Образец цитирования:

Чарота ИА. Кому и почему ценен Ф. М. Достоевский? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021;3:24–30.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-24-30>

For citation:

Charota AI. To whom and why F. M. Dostoevsky is precious? Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2021;3:24–30. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-3-24-30>

Автор:

Иван Алексеевич Чарота – академик Сербской академии наук и искусств, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета.

Author:

Ivan A. Charota, academician of the Serbian Academy of Sciences and Arts, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology.
ivancharota@mail.ru

for such a writer can be fully expressed when everyone who has mastered literacy starts reading at least one of his works and feels the field of attraction and repulsion, which does not always correlate with the problem field of scientific F. M. Dostoevsky studies. Unfortunately, the author states that the youth do not initially develop an elementary desire to necessarily be included in the literary classics in such conditions when the entire system of basic education seems to be subordinated to the task of discouraging any desire to read on their own, and even more so to feel and reflect. Interest in «Crime and punishment» is almost impossible to arouse basing on stereotypical comments with a retelling of the plot, some elements of which are included in the tests for the subject devoid of attractiveness. And the plot, moreover, is fully conveyed by the half-page versions of the novel, which are prepared by enterprising interpreters precisely for passing the test as the optimal form of attestation. At the same time, the judgments of foreign writers are used surprisingly widely, and at the same time thoughtlessly – the main thing is that they have an appropriate image. Over time, it becomes more and more obvious that few contemporary writers can compare to F. M. Dostoevsky both in the depth and completeness of ideas about the real life of a Russian person, especially in the scope of its spheres, and in the insight of the analysis of everything that happened and which inevitably followed from what was happening. For a century and a half, F. M. Dostoevsky has remained an unparalleled bearer of the conscience of mankind, a kind of seismograph of the coming upheavals. The author states that in Serbia, the reverent perception of F. M. Dostoevsky, which was formed under the influence of the Russian religious emigration, dominates. A separate topic is also the impressive activity and productivity of the Serbian scientific F. M. Dostoevsky studies. Finally, if all this we project onto the Belarusians, then it would be appropriate to say that F. M. Dostoevsky is the bearer of special patriotism manifested not in superficial pathos, which usually serves either self-praise or complacency, but in soberly analytical and constructive criticism, which presupposes, first of all, self-criticism, as an indispensable component of sound national self-awareness.

Keywords: F. M. Dostoevsky; Dostoevsky studies; studying of writer's works at school; image Western writers; Serbia.

Когда наступает юбилей высокочтимого человека, то намерившиеся максимально уважить юбиляра задумываются над тем, чего бы он сам более всего желал. Вот и нам в связи с 200-летием со дня рождения Федора Михайловича Достоевского, пожалуй, не следует забывать об этом. Ведь истинное почитание такого великого писателя может быть проявлено лишь тогда, когда каждый приступит к чтению хотя бы одного из его произведений, а те, кто уже читал, начнут перечитывать. Таким образом будут создаваться предпосылки для адекватного восприятия творчества, ведь каждый ощутит (понятно, в разной степени) потребность в более основательном индивидуальном представлении о значимости этого, безусловно, великого для всего мира писателя и мыслителя. Желательно, чтобы считающие нужным высказать свое мнение непременно учитывали, насколько они этого достойны, хотя бы потому, что данное слово имеет явную и неслучайную созвучность с фамилией юбиляра. Это, естественно, касается и автора статьи, который считает весьма скромными как свои достоинства в целом, так и способность сказать о Ф. М. Достоевском нечто особо существенное, а тем более аналогичное и даже близкое сказанному им об А. С. Пушкине. Между тем всегда всему находят оправдания, в ряду которых значимым для каждого, кто пытается постичь написанное Ф. М. Достоевским, является внутренняя потребность высказать свое отношение к сформировавшемуся вокруг писателя специфическому «полю притяжения и отталкивания», которое далеко не всегда соотносится с проблемным полем научного достоевсковедения. Второе – давно и основательно «вспахивается» и «перепаживается». Поэтому прежде всего хотелось бы со своей точки зрения оценить, что способствует, а что препят-

ствует постижению феномена Ф. М. Достоевского. Суждений такого плана встречается немало, но при этом диапазон их удивительно широк. Значит, есть право на подобное и у меня, хотя бы потому, что к наследию Ф. М. Достоевского я приобщаюсь всю жизнь не только как читатель, но и как преподаватель литературы и литературной критики, литературовед и публицист.

Не забылось, как изучали в школе роман «Преступление и наказание», подававшийся в вульгарно-социологических рамках, за которые не могла выйти даже учительница. Поэтому впоследствии, когда я сам стал школьным и университетским преподавателем русской литературы, стремился найти средства для пробуждения интереса к этому произведению из учебной программы. Должен признаться, что результатами доволен не был никогда. Причем таковых со временем, увы, становится все меньше вне зависимости от стараний и ухищрений лектора. Даже нынешним студентам-филологам, не говоря уже о школьниках, крайне трудно объяснить, что значимость Ф. М. Достоевского не ограничивается содержанием, которое с шаблонными комментариями излагается в типовых учебниках и пособиях. Но что поделать, если у молодежи изначально не вырабатывается желание приобщиться к литературной классике, если вся система базового образования как будто подчинена задаче отбить всякое стремление читать, а тем более чувствовать и размышлять. Интерес же к роману «Преступление и наказание» практически невозможно пробудить на основании стереотипных комментариев с пересказом сюжета, отдельные элементы которого попадают в тесты по лишенному притягательности учебному предмету. Сюжет к тому же вполне передается полустраничной версией романа, которую заготавливают

предприимчивые интерпретаторы именно для прохождения теста как оптимальной формы аттестации. Понятна бесполезность многих ностальгических рефлексий. Но все же следует помнить о том, что к прежним поколениям школьников, не говоря уже о студентах-филологах, предъявлялись требования прочитать роман от начала до конца, чтобы постичь его глубокий смысл. Осуществлялось это не обязательно с легкостью. Так, мой добрый друг, всю жизнь посвятивший физике, на старости лет вспоминает, какие серьезные усилия требовались ему, чтобы принудить себя к чтению. И до сих пор сохраняет в душе благодарность той системе образования... Что же касается формирования позиции студентов филологического профиля в наши дни, то нельзя не отметить и такой отрицательный фактор, как мнения авторитетов, привлекаемые, что называется, для пущей важности. На удивление широко и в то же время бездумно используются суждения зарубежных писателей с соответствующим имиджем. Касается это и категоричных мнений тех уважаемых людей, которые пребывают рядом. К примеру, вряд ли юный филолог оставит без внимания то, что услышал от авторитетного профессора-языковеда: «Я не могу Достоевского читать. Он отягощает, давит, вызывает страх и раздражение...». Разумеется, это не дословная цитата, которую мне довелось слышать, но смысл посылы был именно таким. Еще более важными являются так называемые фоновые представления, под влиянием которых нынешнему студенту просто не удастся сохранить доверие идеям самого автора (сколько бы ни объяснял преподаватель, что они однозначны и незыблемы), если их множество раз перетолковывали посредством театральных, кинематографических, телевизионных версий, произведенных как за рубежом, так и в России. Всевозможные интерпретации широко распространяются и закрепляются посредством все прочнее опутывающей и считающейся незаменимой интернет-паутины...

Противоречий, согласимся, много, в том числе и вроде бы безобидных. К таковым относится, скажем, склонность искренних почитателей Ф. М. Достоевского с гордостью подчеркивать, что его читают и хорошо знают на всей планете. Что ж, для этого есть все основания: его сочинения действительно переведены практически на все более-менее распространенные языки мира, причем интерес к ним по сравнению с наследием других писателей не угасает, а даже возрастает. Однако все выглядит несколько иначе, если внимательнее отнестись к вопросу, как его воспринимают иностранцы, прежде всего европейцы, и чем обусловлено это внимание. При взгляде общем, необязательно поверхностном, не без оснований можно прийти к выводу о том, что у сохранивших ум иноземцев интерес вызван желанием постичь русскую душу, ее тайны. Но даже

если не задумываться, чем это желание обусловлено, трудно пройти мимо того обстоятельства, что русского гения в Западной Европе чаще всего представляют при посредстве З. Фрейда, Ф. Ницше и др. Роль каждого из таких посредников-толкователей, конечно, следует рассматривать в отдельности, с обстоятельностью, без поспешных обобщений. Ведь прежде всего ими предопределяется направленность внимания и восприятия в целом. Примерно то же самое можно сказать и о представителях русской эмиграции в западных странах. Весьма показателен в этом плане пример В. В. Набокова, который свои рассуждения о несоизмеримо более выдающемся предшественнике адресует публике, при этом подсознательно готов признать, что сам не в силах освободиться от влияния Ф. М. Достоевского, но тем не менее отгораживается от него с помощью скептических оценок.

Не только в тех случаях, когда нужно уйти от поставленных Ф. М. Достоевским проблем кардинального характера, возникает чрезвычайно деликатная тема связи его творческой эволюции с состоянием здоровья. Не секрет, что великий писатель страдал эпилепсией. Известно также, что от этой болезни так или иначе зависит восприятие окружающего мира и не совсем случайно, пожалуй, ее называют болезнью пророков. Однако это вовсе не означает, что именно в ней лежат причина и основа феноменальности писателя и что только этим недугом было вызвано обостренное восприятие мира, а значит, и внимание к тем или иным проблемам необязательно здоровой природы. Рассуждая же в соответствии с такой логической схемой, мы вынуждены принимать за данность, что эти проблемы, все или по преимуществу, были обусловлены болезненным воображением, а не реальностью. Это предполагает соответствующие выводы. На самом же деле все обстоит иначе. Ведь становится все более очевидным (причем это подтверждается и произошедшими за полтора века изменениями как в массовых реакциях на реальность, так и в самой исторической реальности), что мало кто из писателей-современников может сравниться с Ф. М. Достоевским как по глубине и полноте представлений о реальной жизни русского человека, особенно по охвату ее сфер, так и по проницательности анализа всего, что происходило и неизбежно вытекало из происходившего. Получилось так, что все по-разному оценивали, но замечали именно критический пафос его произведений, и это дало повод впоследствии считать писателя яростным критиком существовавшего строя. Опровергать это нет нужды. Отношению Ф. М. Достоевского к современной ему действительности на самом деле свойственны вполне жесткая критичность и даже некоторая оппозиционность. Однако особенность его гражданской позиции не только и не столько в этом, да и как великий писатель он

проявился в ином. Если пытаться сформулировать, в чем, то при рассмотрении разных свойств этой творческой личности на первый план нужно все же поставить его предельную искренность и беспримерную ответственность в отношении к тому, ради чего рождается писатель. Осознавая свое высокое призвание, он изо всех сил старался использовать дарованный ему талант для выполнения труднейшей миссии нравственного просвещения, а в какой-то мере и будительства. Именно благодаря этому Ф. М. Достоевский на протяжении полутора веков остается (к чему, правда, одни относятся с пониманием и благоговением, а другие – с подозрением и даже ненавистью) беспримерным носителем совести человечества. Отсюда берет начало и его призванность служить своеобразным сейсмографом грядущих потрясений. Он был не только должен, но и способен видеть то, что обычным людям закрыто, ему оказалось доступным предчувствовать то, что другим не дано. Он смог отразить важнейшие коллизии не только своей эпохи, но и того, что от нее передавалось новым поколениям. Его взгляд – с непременным учетом вечности. Сам подверженный страстям, он не дерзал принимать на себя роль судьи (как, например, его выдающийся современник и собрат по перу Л. Н. Толстой). Потому и напоминал: «Все мы виноваты». Ф. М. Достоевскому свойственна твердая, истовая вера в то, что всех ждет Божий Суд.

Кстати, если принять ставший расхожим посыл о том, что великий писатель в основном обращал внимание на безумцев и преступников, т. е. на аномалии, то и в этом случае его творчество не теряет значимости и актуальности. Хотя бы потому, что аномалии в наше время стали подаваться как справедливо изменившиеся нормы.

В любом случае отношение к Ф. М. Достоевскому всегда подпитывается коллективным сознанием той социальной и национальной среды, которая в итоге обеспечивает формирование либо его искренних почитателей, либо равнодушных (недо)читателей, либо ярых ниспровергателей. Беларусь имеет все объективные предпосылки для того, чтобы принадлежать к первой категории. А вот белорусы, кажется, так и не настроились в максимальной полноте осмысливать, для чего Провидение послало миру великого писателя-мыслителя от литвинского (белорусского) колена. Мы удовлетворены (во всяком случае пока) возможностью в нужный момент похвалиться, что на территории Беларуси находится Достоево, в нем организован музей, и потомки писателя об этом знают... Безусловно, осознавать, что Ф. М. Достоевский корнями своего рода связан с Литвой, Беларусью и моим родным Полесьем, приятно. Однако достаточно ли? Ведь в этом случае расширяется затронутая общая проблема, связанная с искренним желанием и готовностью понимать творчество писателя. Особенно

в связи с последними реалиями, когда опорные для мировоззрения вопросы предстают не как отвлеченные, а как поистине животрепещущие. И нам как на духу следовало бы ответить на них. В частности, без оглядки на потребу дня мы должны разобраться, насколько нас касается сакральное для него понятие «русская идея», а также неизменно волновавший его вопрос отношений России и мира, который, кстати, не утратил драматического содержания до сих пор. Опять же, мы должны проявить полную искренность и принципиальную последовательность в патриотизме, понимаемом как незыблемое самоопределение, т. е. как духовный выбор со всей ответственностью за него как перед народом Божиим, так и перед вечным Богом. Каждый из нас оказывается перед необходимостью хотя бы перед самим собой дать ответ, разделяет ли он на самом деле взгляды Ф. М. Достоевского...

Чтобы сказанное нами предстало в сравнении, обратим внимание на то, как воспринималось и воспринимается творчество Ф. М. Достоевского в братской Сербии. Стоит, пожалуй, сразу же оговориться, что для нас данный аспект является в полном смысле слова поразительным.

Всем, кто интересовался, известно, что великий писатель с предельным вниманием и проницательностью относился к так называемому славянскому вопросу, активно реагируя практически на все события, так или иначе к нему относящиеся. В связи с этим, кстати, и отношение к нему у славянских народов разное. Что касается сербов, то они по справедливости должны ценить его братскую честность и мудрость, основывающиеся на исторической справедливости. Потому и переводить его произведения на сербский язык стали с 1860-х гг., и во время трагических событий конца XX в. к нему были обращены взоры [1].

Попытаемся проследить, что конкретно представляет собой восприятие творчества Ф. М. Достоевского сербами. А оно, повторим, в буквальном смысле поразительное. Меня тронул рассказ белградской коллеги, профессора сербистики: «Со студенческих лет у меня трепетный интерес к Достоевскому. Как только стала работать, на первую же зарплату купила собрание его сочинений. И до сих пор читаю с любой страницы, при этом нахожу непременно то, что меня волнует». Конечно, важно уточнить, что слова принадлежат молодой женщине из среды интеллигенции, возможно, экзальтированной, к тому же представительнице поколения, трепетно относящегося к русской литературе. Но это уточнение стало терять значение, когда я прочитал очерк Д. Чосича, самого выдающегося писателя Сербии второй половины XX – начала XXI в., о его друге-крестьянине [2]. В этом тексте вызвало удивление то, что сербский земледелец знаком с творчеством Ф. М. Достоевского не хуже

специалистов, при этом отмечает, что есть много великих писателей, только Ф. М. Достоевский – один. Д. Чосичу не хотелось не верить. А он уточнял, как бы предвидя недоверие: «Не знаю, сколько сербов прочитало собрание сочинений Достоевского, но знаю, что его в своей библиотеке имеет Неша, селянин из Мияйловца, и что он их прочитал, некоторые книги – даже много раз. А помимо книг, написанных Достоевским, прочитал он и то, что о Достоевском думают Бердяев, Мережковский, Шестов, Бахтин, Цвейг, Драган Неделькович, Никола Милошевич, Иустин Попович, Джордж Стайнер, Милосав Бабович»¹ [2, с. 328]. По-своему примечательно также, хотя уже и не столь удивительно, что в находящейся под покровительством Э. Кустурицы этнодеревне Дрвенграде, туристическом объекте у боснийского селения Мечаник, на Доме писателя размещен огромный портрет Ф. М. Достоевского. Такого рода примеров бесчисленное множество. Из эмпирического опыта позволю себе еще один: при посещении книжной выставки в Белграде в 1994 г. я был удивлен, когда увидел транспарант о презентации только что выпущенного в свет, причем церковным издательством, собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 35 томах². Правда, когда на той же выставке через несколько лет презентовалось повторное издание³, уже не удивлялся. Во избежание голословности рассказа об этом случае, решил подсчитать отдельные издания книг писателя за последнее время. Но бросил эту затею, насчитав 20 книг, изданных только за 1980-е гг., и внушительное число новых имен среди переводчиков...

Впечатляют активность и продуктивность сербского научного достоевсковедения. В этой стране актив знатоков наследия русского писателя, помимо четверых, упомянутых Д. Чосичем, включает еще более 40 исследователей. И, что немаловажно, это представители разных поколений (в том числе и молодого), силами которых издаются посвященные Ф. М. Достоевскому сборники, альманахи, специальные номера журналов⁴. Нельзя не отметить, что в последние два десятилетия исследователи сосредоточены прежде всего на религиозно-нравственных аспектах творчества Ф. М. Достоевского. Нелишне подчеркнуть, что в формировании авторитетной школы сербского достоевсковедения активное участие приняли светские ученые, литературные критики и писатели Д. Васич, М. Настасиевич, И. Секулич, Т. Уевич, Д. Максимович, Д. Чосич, С. Винавер, М. Видович, М. Джурич, В. Дворникович, М. Маркович, М. Бабович, В. Вулетиц, М. Ёванович,

Д. Стоянович, С. Пенчич, Н. Милошевич, М. Блечич, П. Драгич, В. Меденица и др., а также богословы преподаватель Иустин (Попович), святитель Николай Жичский (Велимирович), епископ Афанасий (Евтич), митрополит Амфилохий (Радович), профессор В. Еротич, профессор Б. Лубардич, протоиерей Александр (Средоевич), протодиакон Никола Мароевич, диакон Златко Матич.

Не меньше внимания притягивает к себе и тот факт, что в современной сербской литературе появился роман под названием «Преступление и наказание», по содержанию представляющий своеобразную творческую переключку с произведением русского классика [3].

Разве можно после таких (и столько!) импульсов не задать себе вопрос: чем же все это вызвано? В поисках близкого к истине ответа скудный ум ищущего побуждает вспомнить о неизменно драматической истории сербов, их горькой судьбе, о том, что зла и человеческой несправедливости им довелось изведать с лихвой, пожалуй, больше, нежели соседям. При этом все же помнилось и то, что в Косовском завете Сербии, а значит, и в коллективной памяти народа отразилась необходимость при выборе между земным и небесным, преходящим и вечным склониться все же ко второму. Кстати, сербам и сейчас при желании уколоть иронически напоминают, что они захотели называться «народом небесным». Что, конечно же, в известной степени вызывает притяжение к Ф. М. Достоевскому.

Симптоматично, что даже при усердном старании обойти аспект веры в данном случае все равно будешь с ним сталкиваться. Дело в том, что, судя по всему, восприятие творчества Ф. М. Достоевского в Сербии формировалось под влиянием русской религиозной эмиграции, прежде всего митрополита Антония (Храповицкого), который возглавлял Русскую православную церковь за границей (РПЦЗ). Митрополит Антоний является автором труда⁵, который, считаем уместным это отметить, в некотором смысле заложил основы сербского достоевсковедения, хотя первоначально был издан русскими эмигрантами в Болгарии [4]. Известно, что и в сербской среде митрополит неоднократно выступал с публичными докладами соответствующей тематики [5].

Вместе с митрополитом Антонием интерес к Ф. М. Достоевскому стимулировали светские ученые и литераторы из эмигрантской среды, сложившейся в Сербии: Е. В. Аничков, А. К. Елачич, И. Н. Голенищев-Кутузов, П. А. Митропан, Р. В. Плетнев, С. М. Кульбакин, Д. В. Скрынченко, Е. В. Спекторский,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. Ч.

²Достоевски Ф. М. Сабрана дела у 35 књ. Ваљево, 1994.

³Достоевски Ф. М. Сабрана дела у 35 књ. Ваљево, 2009.

⁴Руска религијска филозофија и Ф. М. Достоевски. Београд, 1982; Мисли Достоевског / саставио Приредио Драган Лакићев. Београд, 1997; Двери српске. 2001. № 11/12; Сабраност. 2006. № 3–4/(XII); Светосавље. 2007. № 1.

⁵Митрополит Антоний (Храповицкий). Словарь к творениям Достоевского. Не должно отчаиваться. София, 1921.

Н. Ф. Федоров. Отдельно упомянем, что в этом ряду отнюдь не последняя роль принадлежала этническим белорусам, в частности А. Л. Погодину и А. В. Соловьеву. Вклад в постижение феномена Ф. М. Достоевского внесли также поддерживавшие отношения с Белградом как значительным центром русской эмиграции Н. С. Арсеньев, А. Л. Бем, Н. А. Бердяев, В. В. Вейдле, В. Н. Волошинов, А. Л. Зандер, В. В. Зеньковский, И. И. Лапшин, С. А. Левицкий, Н. О. Лосский, Е. А. Ляцкий, Г. А. Мейер, К. В. Мочульский, Ф. А. Степун, З. Штейнберг. Доходили до Сербии также работы В. С. Соловьёва, В. В. Розанова, С. Л. Франка, И. А. Ильина и других русских интеллектуалов, равнодушных к творчеству великого писателя.

Благодаря усилиям названных деятелей в Сербии формировались условия для того, чтобы творчество Ф. М. Достоевского воспринималось как живой фактор духовно-культурной жизни. И не без их влияния в начале 1930-х гг. было издано 35-томное собрание сочинений писателя на сербском языке⁶. При этом важно, что к переводу и публичному обсуждению этого издания приобщилась практически вся творческая элита страны. Это продолжается до сих пор. Для беспристрастного сравнения вспомним, что в новой России как раз в это время на Первом Всесоюзном съезде советских писателей было высказано мнение: «Я сегодня чувствую, как разгорается съезд, и, я думаю, мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира. Ф. М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника» [6, с. 154].

Чтобы дать убедительную иллюстрацию к уже сказанному о феноменальности восприятия творчества Ф. М. Достоевского в Сербии, остановимся на работах сербского мыслителя, который исключительно глубоко осмыслил его значение. Это архимандрит Иустин (Попович), философ и богослов, получивший мировое признание, оставивший чрезвычайно богатое научно-теологическое наследие. Укажем лишь на то, что, когда в 1998 г. начался выпуск собрания его сочинений, он должен был включать в себя 30 томов, однако уже через три года выяснилось, что произведения философа не вмещаются и в 40 томов. Отметим также, что Архиерейским собором Сербской православной церкви архимандрит Иустин причислен к лику святых.

Архимандрит Иустин был лично знаком и с владыкой Антонием, и с другими священнослужителями РПЦЗ, и со многими русскими учеными-гуманитариями, которые пребывали в Сербии как изгнанники. Однако его интерес к творчеству Ф. М. До-

стоевского проявился раньше. Широко известная сейчас работа «Философия и религия Ф. М. Достоевского» написана им в 1918–1919 гг. в Англии. Это докторская диссертация, которую предполагалось защитить в Кембриджском университете, но которая (из-за убеждений, отстаиваемых автором) не была принята к защите. Спустя четыре года она увидела свет в сербском журнале «Христианская жизнь». Позднее, в 1940 г., вышли еще две работы на ту же тему: «Достоевский о Европе и славянстве», «Достоевский как пророк и апостол православного реализма». Я имел честь – как переводчик – представить русским читателям основные труды архимандрита Иустина, посвященные Ф. М. Достоевскому.

Его публикация под заголовком «О рае русской души» совсем скромна по объему, но весьма примечательна как соотносящаяся с темой нашей статьи, хотя и была написана непосредственно о праведном Иоанне Кронштадтском как рае русской души. Сейчас для нас важно другое, а именно то, что в ней утверждается: «Русская душа имеет свой рай и свой ад. Нигде нет более страшного ада и нигде нет более дивного рая, чем в душе русской. Ни один человек не падает так глубоко, до последнего зла, как русский человек; но точно так же ни один человек не достигает таких высот, вершин над вершинами, как русский человек. История свидетельствует: русская душа движется между самым мрачным адом и самым светлым раем. Мне кажется, из всех душ на земле русская душа имеет наиужаснейший ад и наидивнейший рай. В драме русской души участвуют не только все ангелы неба, но и все диаволы ада. Русская душа – самое драматичное поприще, на котором беспощадно борются ангелы и диаволы. За русскую душу ревниво сражаются миры, сражаются вечности, сражаются сам Бог и сам сатана» [7, с. 5–6]. Не менее значимы в связи с этим и следующие слова: «Я знаю Достоевского как пророка, как апостола, как мученика, как поэта, как философа. Многогранность его гения поражает. Всечеловечески широкий и глубокий, он принадлежит всем, но и все принадлежат ему. Он настолько человек, настолько всечеловек, что всем родственен, родственен сербам, родственен болгарам, родственен грекам, родственен немцам, родственен всем людям на всех континентах. В нем есть каждый из нас, и каждый может найти себя в нем. Своей всечеловеческой сочувственностью и любовью он для всех свой» [7, с. 14].

Особого внимания заслуживает труд «Философия и религия Ф. М. Достоевского» [8]. Признаюсь, мне никогда не доводилось читать более глубокого литературоведческого исследования. А чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат, в которых излагается и универсальное, и актуальное. «Тысячеокой душой своей Достоевский разглядел

⁶Достојевски Ф. М. Изабрана дела. Београд, 1931–1934. I–XXXV.

трагическую преходящность и бессмысленность любви европейского типа, поэтому по-апостольски решительно и пламенно проповедует любовь богочеловеческую, любовь православную» [8, с. 203]. Очень глубока по смыслу и убедительна оценка архимандритом Иустином того, как великий писатель осуществил «высший синтез»: «Достоевский, самый отчаянный бунтовщик и богоборец, принял мир, достиг наивысшего синтеза жизни. Все возбуждения, все дикие сомнения, все самоубийственно-отчаянные настроения прошли, перешли в некое высшее спокойствие, полное ясней, гармоничной радости и надежды» [8, с. 247]. «Достоевский – самое высокое и самое глубокое выражение русского национального самосознания» [8, с. 307]. Нельзя пропустить и важное предостережение: «Благодаря всечеловеческой глубине и широте, всечеловеческой многосторонности и чувствительности своего гения Достоевский был камнем преткновения для всех критиков, которые мерили его меркой

человеческой, а не всечеловеческой, которые его мерили рациональной мерой своего жалкого, немогущего и бесконечно малого эвклидовского ума, которые мерили его собой, своим разумом человеческим – мерили его, который был “олицетворенным противоречием здравому разуму человеческому”» [8, с. 309–310].

Если все это проецировать на нас, белорусов, то уместным будет, пожалуй, следующее: архимандрит Иустин пронзительно заметил, выразительно обозначил и убедительно показал, что Ф. М. Достоевский является носителем особого патриотизма, проявляющегося не в поверхностной патетичности, которая служит обычно либо самовосхвалению, либо самоуспокоению, а в аналитичной и конструктивной критичности, которая предполагает прежде всего самокритичность как неприменную составляющую здравого национального самосознания.

Давайте читать и постигать Ф. М. Достоевского! Желательно так, как лучшие сербы.

Библиографические ссылки

1. Достоевский ФМ. *Война на Балканах. Из «Дневника писателя». 1876–1877 гг.* Москва: Сестричество во имя Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы; 1999. 159 с.
2. Ћосић Д. Ненад-Неша Михајловић, виноградар-интелектуалац. У: Ћосић Д. *Пријатељи*. Београд: Politika; 2005. с. 325–330. Саиздавач је «Narodna knjiga».
3. Стојановић Д. *Злочин и казна*. Београд: Стубови културе; 1996. 230 с.
4. Антоний Храповицкий, митрополит. *Словарь к творениям Достоевского*. Москва: Слово; 1998. 192 с.
5. Арсеньев А. *У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду*. Москва: Русский путь; 1999. 256 с.
6. Лесневский СС, составитель. *Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет*. Москва: Советский писатель; 1990. 176 с.
7. Преподобный Иустин (Попович). *О рае русской души. Достоевский как пророк и апостол православного реализма*. Чарота ИА, переводчик. Минск: Лучи Софии; 2001. 43 с.
8. Преподобный Иустин (Попович). *Философия и религия Ф. М. Достоевского*. Чарота ИА, переводчик. Минск: Издатель Д. В. Харченко; 2007. 312 с.

References

1. Dostoevsky FM. *Voina na Balkanakh. Iz «Dnevnik a pisatelya». 1876–1877 gg.* [War in the Balkans. From the «Diary of a Writer». 1876–1877]. Moscow: Sestr ichestvo vo imya Prepodobnomuchenitsy Velikoi Knyagini Elizavety; 1999. 159 p. Russian.
2. Ćosić D. [Nenad-Nesha Mikhajlovih, winegrower-intellectual]. In: Ćosić D. *Prijatelji* [Friends]. Belgrade: Politika; 2005. p. 325–330. Co-published by the «Narodna knjiga». Serbian.
3. Stojanović D. *Zločin i kazna* [Crime and Punishment]. Belgrade: Stubovi kulture; 1996. 230 p. Serbian.
4. Antonij Khrapovitskij, metropolitan. *Slovar' k tvorenijam Dostoevskogo* [Dictionary to the works of Dostoevsky]. Moscow: Slovo; 1998. 192 p. Russian.
5. Arsen'ev A. *U izluchiny Dunaya. Oчерki zhizni i deyatel'nosti russkikh v Novom Sadu* [At the bend of the Danube. Essays on the life and work of Russians in Novy Sad]. Moscow: Russkii put'; 1999. 256 p. Russian.
6. Lesnevskii SS, compiler. *Pervyi vsesoyuznyi s'ezd sovetskikh pisatelei. 1934. Stenograficheskii otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers. 1934. Verbatim report]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1990. 176 p. Russian.
7. Prepodobnyi Iustin (Popovich). *O rae russkoi dushi. Dostoevsky kak prorok i apostol pravoslavnogo realizma* [About the paradise of the Russian soul. Dostoevsky as a prophet and apostle of Orthodox realism]. Charota IA, translator. Minsk: Luchi Sofii; 2001. 43 p. Russian.
8. Prepodobnyi Iustin (Popovich). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Philosophy and religion of F. M. Dostoevsky]. Charota IA, translator. Minsk: Izdatel' D. V. Kharchenko, 2007. 312 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.08.2021.
Received by editorial board 26.08.2021.